

Алексей Будищев

Светлый гость

Алексей Николаевич Будищев

СВЕТЛЫЙ ГОСТЬ

Аннотация

«В лесу творилось что-то невообразимое. Ветер метался, как бешеный, вихрем крутил снег, ломился на лес справа и слева, гоготал и улюлюкал. Ясно было, что здесь происходила борьба нешуточная, дикая и иступленная, борьба на жизнь и смерть. Лес стонал, шипел и скрипел, и сухие ветви могучих деревьев то и дело валялись вниз, как отмороженный руки. Было очевидно, что ветер объявил войну лесу и вступил в единоборство с ним; но порою страсти до того здесь разыгрывались, что свои начинали бить своих же, и дерево вставало на дерево. По крайней мере, два встречных вихря часто неистово бросались друг на друга, как степные наездники, сплетались, кувыркались по земле и иступлённо визжали. Точно так же и ломимое ветром дерево порою наваливалось всюю своею тяжестью на соседнее дерево и царапало его сучьями, как когтями, злобно ворча и поскрипывая...»

Содержание

I	4
II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Алексей Будищев

СВЕТЛЫЙ ГОСТЬ

I

В лесу творилось что-то невообразимое. Ветер метался, как бешеный, вихрем крутил снег, ломился на лес справа и слева, гоготал и улюлюкал. Ясно было, что здесь происходила борьба нешуточная, дикая и иступленная, борьба на жизнь и смерть. Лес стонал, шипел и скрипел, и сухие ветви могучих деревьев то и дело валялись вниз, как отморозенные руки. Было очевидно, что ветер объявил войну лесу и вступил в единоборство с ним; но порою страсти до того здесь разыгрывались, что свои начинали бить своих же, и дерево вставало на дерево. По крайней мере, два встречных вихря часто неистово бросались друг на друга, как степные наездники, сплетались, кувыркались по земле и исступлённо визжали. Точно так же и ломимое ветром дерево порою наваливалось всею своею тяжестью на соседнее дерево и царапало его сучьями, как когтями, злобно ворча и поскрипывая.

В эти минуты междоусобицы весь лес наполнялся такими яростными криками, воплями и стенаниями, что два шедшие в это время по лесу человека с большим трудом могли разговаривать. Но все-таки они говорили, медленно подвигаясь.

гаясь вперед и еле-еле выволакивая ноги из рыхлых снежных сувоев. Один из путников был ростом высок и тонок, как жердь, другой – низок, но широкоплеч. Оба они несли по охапке хвороста, морщили от ветра лица и порою тяжело отдувались. Надето на них было какое-то жалкое рваньё, какие-то полушубчики, как бы сплошь сшитые из одних заплат: казалось, путников недавно рвали отчаянно злые собаки. На одном из них, высоком, полушубок был даже с разрезом на боку, как у Прекрасной Елены, вплоть до самого пояса. На высоком, впрочем, были надеты совершенно новые валенки, а на низеньком – очень порядочная теплая шапка. Высокий звал низенького Авениркой, а низенький высокого – Македоном. Говорил больше низенький. Он ежился от холода, крепко прижимал к груди охапку хвороста и говорил, точно воробей чирикал.

– И чего этой буре самой, подумаешь, надо? И чего она рвет, и чего она мечет, и чего она на лес опрокинулась? И сколько, Македон, как посмотришь, на земле злобы! – Он помолчал, поправил подбородком вылезавшую из охапки хворостину и почмокал губами. – Да, Македон, – продолжал он, – много на земле злобы. И как только злоба эта самая самое себя не сожрет? Ишь, как расходилась, – добавил он. – И чего она, спроси ее, зверем воет, зачем кустики молоденькие ломит? Он опять помолчал и опять зачирикал, как воробей: – А хорошо бы, Македон, это когда мы в горенку свою придем и печечку свою затопим, хорошо бы, Македон, перед

образом све-чечку хошь копеечную затеплить!

Авенирка снова замолчал, потому что ветер бросил ему в левое ухо целую горсть сухого, как песок, снега. Он затряс головою, пытаясь очистить ухо.

– А еще хорошо бы, Македон, – добавил он, очистив ухо, – а еще хорошо бы щец горяченьких похлевать. Очень уж я эту самую горячую пищу люблю!

Авенирка вздохнул и облизнул губу. Македон как будто проглотил слюну и сделал губами и носом «хм». Авенирка продолжал: – До того я, Македон, горячую пищу уважаю, что, кажись, спроси меня сейчас царь: «чего, Авенир, хочешь: в тюремные ли смотрителя поступить, но только чтобы без горячей пищи или в бродяги в лесные иттить и пищу горячую получать?» Спроси меня это царь, и я в тую же минуточку на тюремного смотрителя плюну и в бродяги на горячую пищу пойду!

Авенирка замолчал. Македон поморщился и сказал;

– Вот как тебя изловят да влепят лозанов сорок, вот и будет тебе горячая пища! Хм, горячая пища! Ишь какой помещик выискался!

По лицу Македона ползет что-то жесткое и черствое. Авенирка сконфуженно заморгал глазами.

– Ну, уж ты! И подлый же у тебя, Македон, карахтер! Даже и в уме человеку щец похлевать не даешь! Горький карахтер, видно, под осиной тебя родили! Не буду я больше говорить с тобой, не буду! Помяни мое слово, не буду! Что тебе, горь-

кий ты человек, – с живостью добавляет он через минуту, – жалко тебе, что ли, щец-то? Я, може, третий месяц их в уме держу, третий месяц во сне их вижу и сну своему не верю! Так что, жалко, что ли, тебе? Жалко? Так, небось, не всё съем и тебе, горький ты человек, оставлю!

Авенирка закашлялся от ветра, отфыркался и снова вздохнул.

Они прошли несколько шагов молча среди крутящегося снега.

– А хорошо бы, Македон, – внезапно сказал Авенирка, – а хорошо бы теперича в баньку сходить?

Он покосился на своего высокого товарища, прижимая подбородком охапку хвороста.

– В баньку? В какую баньку? – с угрюмым недоумением повторил Македон.

– Да хошь в самую завалющенькую, хошь в самую черненькую!

Македон фыркнул носом.

– Хм, с веничком с березовым?

Авенирка повеселел всем лицом, радуясь, что его товарищ отмяк сердцем и стал разговорчив.

– Да хошь бы и без веничка, – сказал он.

По лицу Македона снова ползет что-то жесткое и черствое.

– Хм, в баню, – повторяет он. – Вот погоди, изловят тебя, влепят лозанов сорок, вот тебе и будет баня!

– Горький человек, горький человек, – вскрикнул Авенирка, едва не споткнувшись в сугроб, – ты и баню не велишь мне в мыслях держать, подлый карактер! Тебе и бани жалко! Фу, ты, Господи Боже, какие только, подумаешь, люди на свете есть! Не буду я больше говорить с тобой, горький ты человек, под осиной тебя родили и полынью тебя спеленали!

Авенирка закашлялся, отплевался и замолчал. Они снова двинулись молча среди крутящегося снега. Авенирка – сконфуженный и пристыженный, Македон – угрюмый и злобный.

II

Вскоре они вышли на небольшую полянку. Маленькая лесная хатка глянула на них своим единственным оконцем, тусклым, как слепой глаз. На её низкой крыше крутились снежные вихри, то осыпаясь, как дождик, вниз, то поднимаясь спиралью вверх, как дым в безветренную погоду.

Путники повеселели; даже по угрюмому лицу Македона прошло что-то светлое и радостное.

– Вот мы и дома, – сказал он, – печку бы поскорей истопить; иззяб я, Авенирка, как пес.

Авенирка хотел сказать товарищу в ответ что-нибудь очень грубое – и не сумел. У него на душе опять стало светло и весело.

– Завтра по деревням, – сказал он, помолчав, – Христа славить будут; пойдем, чуть свет, и по избам собирать будем. В этот день много подают по деревням.

– В этот день жалостливы, – с сердитой усмешкой сказал Македон.

– И если я, – продолжал Авенирка, – хоша единый пяточок собираю, сейчас же на семишничек свечечку куплю, на семишник – кремешек и на три копеечки – табачку.

Кремешек у меня, – добавил он, – совсем обился, а без огня в светелке нашей прямо, надо сказать, пропадешь!

Авенирка чирикал, как воробей, и заглядывал на ходу

в глаза Македону. Тот не отвечал.

Пригнувшись, они вошли в дверь хибарки. Хибарка была крошечная, сколоченная кое-как из плохих осиновых бревнушек. Она даже не была проконопачена, и её земляной пол слегка был усыпан снегом, который ветер приносил сквозь щели. Путники сложили на пол хворост. Они двигались в этой хатке, как мыши в норе. Ветер дул в щели, порошил снегом и завывал монотонно и жалобно. Отсюда можно было подумать, что лес одержал над ним полную победу и отбил ему все внутренности. Македон и Авенирка помахивали руками и притоптывали ногами, разминая окоченевшие члены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.